

*Посвящается
памяти Керри Элизабет Бак¹, 1906–1983,
и тем детям, которых Керри, как и многим другим,
родить не позволили*

¹ Керри Бак была заключенной колонии для эпилептиков и слабоумных в штате Виргиния, и ее, как и многих других, подвергли принудительной стерилизации согласно американской ев-генической программе. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Слова благодарности

Из нескольких сотен страниц книги эта страничка особенно важна. И написать ее, кстати, оказалось труднее всего — нелегко ведь найти нужные слова, чтобы выразить благодарность всем тем людям — а их было немало, — которые принимали участие в создании книги от ее замысла до появления на книжной полке. Во всяком случае, мне, автору книги, решить эту задачу было очень непросто, а потому я предлагаю вам самим вспомнить или вообразить себе любое количество хвалебных слов в свой адрес, любое количество всевозможных уточнений — ибо всему этому найдется место в моей душе, — когда вы будете читать мои, увы, бледные слова благодарности, с которыми я к вам обращаюсь.

Итак, я безмерно благодарна:

Моему литературному агенту, великолепной Лауре Брэдфорд, за постоянную поддержку и умение вовремя протянуть руку помощи и подбодрить словом. Лаура, ты самая лучшая!

Моему американскому редактору Синди Хван, которая сперва мягко намекнула мне, что книга могла бы быть лучше, — и помогла сделать ее таковой.

Шарлотте Мерселл, моему заокеанскому редактору, за ее безграничный энтузиазм.

Первым читательницам романа, моим помощницам-критикам и задушевному подругам Стефании Хаттон, Софи ван Льюин и Кайле Понграк. Для меня большая честь считать своими подругами упомянутых дам, пользующихся в писательском мире поистине колоссальным влиянием.

Издателям, графическим дизайнерам, распространителям и всем прочим, кто вложил немало труда в создание этой книги.

Микаэлу Д'Антонио за его письма, которые мне очень помогли, и за ту весьма важную информацию, которой он со мной поделился. Ведь той книги, которую вы сейчас прочтете, могло бы и не возникнуть, если бы мне в руки не попалась великолепная работа Микаэла «Восстание государственных мальчиков»¹. Вы можете и сами поблагодарить его, купив эту книгу.

И моему мужу, Брюсу Далчеру, который весьма внимательно читает все мои опусы, подмечая недочеты и давая самые честные комментарии. Желаю каждому иметь такого друга и партнера. Надеюсь, впрочем, что я это заслужила.

¹ Michael D'Antonio. *The State Boys Rebellion*, 2004. В этой книге шокирующая правда об американской эре евгеники и экспериментах над группой мальчиков в государственной школе в Массачусетсе в конце 1940-х гг.

По сравнению со старой Европой, потерявшей бесконечно много своей лучшей крови во время войн и эмиграции, американская нация представляется мне молодой, сильной и достаточно чистой в расовом отношении.

Адольф Гитлер. Вторая книга Гитлера

Трех поколений слабоумных вполне достаточно.

*Оливер Венделл Холмс-младший,
член Верховного суда США*

Они поступили со мной дурно, несправедливо. Они со всеми нами поступили несправедливо.

Керри Бак

Глава первая

Невозможно знать заранее, на что ты будешь способна, чтобы избавиться от дерьмового брака и обеспечить своим дочерям справедливую возможность достигнуть успеха. Заплатишь много денег? Откажешься ради этой цели от привычного комфорта? От уютного богатого дома? Сумеешь солгать, обмануть, украсть? Я не раз задавала себе эти вопросы; полагаю, это делали и многие другие матери. Правда, одного вопроса я никогда себе не задавала — в основном потому, что мне не нравится ответ. Совсем не нравится. У меня всегда был слишком силен инстинкт самосохранения. Всегда.

Вчера вечером, когда девочки уже легли, я снова поговорила с Малколмом. Но мысли свои попыталась выразить как бы кружным путем, чтобы мои слова не вывели мужа из обычного флегматичного состояния и, не дай бог, не вызвали взрыва гнева.

— Мне это давно уже просто осточертело, Малк, — с ходу заявила я. — А Фредди так и вовсе совершенно всем этим измучена.

Он оторвался от своих деловых бумаг и даже соизволил на меня посмотреть.

— Что именно тебе осточертело?

— Да все эти числа, все эти бесконечные индексы и коэффициенты. Бесконечное давление. В общем, все!

— Я понял, — сказал он и снова погрузился в ворох отчетов и записок с напоминаниями. И, по-моему, вздохнул с облегчением, когда я оставила его в покое и пошла спать.

У нас в семье давно уже творилось что-то нехорошее.

Я уж и вспомнить не могу, каково это было прежде, до того как всем нам стали приклеивать ярлыки с цифровым показателем умственного развития Q, превратившимся как бы в дополнительный — и неестественный! — отпечаток пальцев, в некий знак, почетный для одних и позорный для других. Хотя, наверное, за десять с лишним лет можно привыкнуть к чему угодно. Привыкли же мы к мобильным телефонам. Неужели вы еще помните то время, когда не носили целую вселенную в заднем кармане джинсов? Неужели вы еще помните, как, сидя на полу и болтая с подружкой ни о чем, бездумно раскручивали спираль телефонного провода, а потом смотрели, как она снова скручивается? Помните это? Я, например, и помню, и не помню. Видеокассеты с блокбастерами, взятые на два дня в видеотеке, книжные магазины размером с самолетный ангар — все это лишь далекие померкшие воспоминания о той жизни, что была раньше, до того как любую новинку стало можно получить в тот же день.

То же самое и с Q-показателями, то есть показателями умственного развития, хотя наша личная жизнь, конечно, постоянно ограничена некими номерами и числами: это и номер нашей социальной страховки, обеспечивающей частичный возврат налогов; и номер маминогo домашнего телефона, когда возникает необходимость ей позвонить; и наш средний балл после окончания школы или колледжа, и десятки анкет с этими средними баллами, которые при поступлении на работу сваливают в бесчисленные и бездонные коробки. В магазине одежды мужчины перестают быть мужчинами, превращаясь в размер 34, или 16,5, или 33. А женщины соответственно — в 6, 8, 14... В наиболее «продвинутых» магазинах нас воспринимают чуть иначе: по нашим

личным меркам. В приемной у врача главным в нас является рост и вес, и мы видим, как первый показатель потихоньку ползет вниз, а второй куда более активно взлетает вверх.

Мы всегда являли собой некий набор чисел. Номер доставки, телефон домашнего врача, оба показателя давления (систолического и диастолического), номер диплома о высшем образовании, номер диплома о получении докторской степени, «вайтлз» 35–22–35 (в дюймах, черт бы побрал эту Мэрилин!), ПИН-коды, номера вкладов и срок их истечения. Телефон Дженни из той старой песенки. И то, что помнят лишь немногие, — полностью номер своей карты Visa. А также, разумеется, свой точный возраст. Свои пароли в интернете. И, наконец, свой IQ, коэффициент умственного развития.

Вот какие мысли бродили у меня в голове, пока я стояла в очереди в кассу в самом обыкновенном продуктовом магазине, однако на этот раз очередь моя состояла из тех, кто пользуется определенными преимуществами; моя тележка была нагружена чуть ли не сотней разнообразных пакетов, банок и коробок — этого, на мой взгляд, было вполне достаточно на несколько дней для семьи из четырех человек. А вот вчера в супермаркете «Сейфуэй» пять других женщин, стоявших позади меня, поглядывали на мою тележку весьма раздраженно, даже гневно. С одной из них я, помнится, училась в колледже. По-моему, она вечно занималась какой-то общественной работой. Хорошенькая, тоненькая, но не слишком умная. Как же, черт побери, ее звали? Полетт? Полина? Пэтти? Пэтти? Да, Пэтти. Она была пятой в очереди в единственную работающую кассу, и в руках у нее был всего лишь пакет обезжиренного молока. Одна-единственная покупка Пэтти в сравнении с моей полной тележкой. Я уже подвинулась было, пропуская ее вперед, но кассир лишь безнадежно пожал плечами и покачал головой: «Нет-нет-нет».

— Ее карточка все равно на этой линии не работает, — сказал он мне. — Вы же знаете.

И он поднес к сканеру мою карту, мою волшебную карту с волшебным числом, начинающимся с цифры 9. Девять

и сколько-то десятых или сотых. Впрочем, важна именно первая цифра, Пэтти не сказала ни слова. А ведь когда-то она бы точно молчать не стала. В те времена она сама или еще кто-то из «другого класса» попросту перегородил бы мне путь к кассе своей тележкой. Я как-то раз видела настоящую кулачную драку на заправочной станции, где схлестнулись некий коротышка в офисном костюме и парень, работавший в хозяйственном магазине на Мейн-стрит. Собственно, настоящей драки там не было. Просто Офисный Костюм глянул на Мистера Экс-футболиста, расплатился картой, сел в свой «Лексус» и уехал. И когда карта Мистера Экс-футболиста не сработала, он стал бить кулаками по дисплею бензоколонки, пока руки его не покраснели от крови. Вскоре появился полицейский. Не знаю, какой у этого футболиста был IQ, но и ежу ясно, что ниже девятки.

Теперь мы все уже привыкли и к разным очередям, и к разным уровням, и к разным ударам для разных людей.

Наверное, со временем люди способны привыкнуть к чему угодно.

Глава вторая

В моем доме теперь девять будильников. Один возле моей кровати поставлен на пять часов, второй начинает верещать за час до прибытия школьного автобуса Энн, еще три отмечают последние тридцать, пятнадцать и семь минут до ее выхода из дома. То же самое — для Фредди, ее школьный автобус прибывает несколько позже. Девять будильников звонят, трещат и издают мелодичное «бим-бом» пять дней в неделю, и мне постоянно кажется, будто я участвую в каком-то проклятом игровом телешоу.

И это всего лишь для того, чтобы мои дочери не опоздали на школьный автобус.

Когда я была в их возрасте, мать просто подходила к лестнице и кричала, чтобы я поторапливалась. В ее голосе всегда четко чувствовалось соотношение нежности и строгости, когда она, всего лишь произнося мое имя, подгоняла меня, заставляла немедленно встать, одеться и спуститься вниз.

И все же я порой ухитрялась опоздать на автобус и прибегала на остановку, когда он уже поворачивал за угол и его задние огни исчезали в утреннем тумане. Со всеми тогда такое случалось. Подумаешь, опоздала на автобус. Ничего страшного.

Никаких особых побудительных мотивов, чтобы непременно успеть на автобус — на *правильный* автобус, — тогда не было.

Малколм, разумеется, уже ушел и сейчас, уютно устроившись в своем в светлом кабинете, ждет, когда кто-то из его младших помощников принесет ему кофе и цельнозерновые булочки с обезжиренным мягким сыром. Он никогда не видит, как его дочери каждое утро устраивают соревнование «Кто не успеет попасть в школу вовремя?». На самом деле очень плохо, что его никогда в это время нет дома. Призы в этом соревновании так и не установлены, а вот наказания проигравшим — мотивация весьма серьезная.

— Фредди! — крикнула я из кухни, чувствуя, что мой голос куда меньше похож на голос моей матери и куда больше — на рев отчаявшейся львицы, пытающейся защитить своих детенышей от стаи гиен, кружащих поодаль. — Энн!

Тридцатиминутный сигнал готовности для Энн раздался, когда я выкладывала ложкой йогурт из полуторалитровой банки, прыгая на одной ноге и пытаюсь второй ногой поправить сползший ремешок босоножки. Энн тут же высунула голову из-за угла и молча кивнула в знак полной боевой готовности.

А вот Фредди, разумеется, была не готова и никаких признаков жизни пока не подавала.

Черт побери!

Сегодня второй день итогового тестирования, учебный год в школе заканчивается, мне явно светит опоздание, а моя младшая дочь даже к завтраку еще не спустилась! Единственное, о чем я способна была в данный момент думать, — это желтый автобус, неторопливо движущийся по нашей улице, с Ловцом Детей за рулем.

В детстве мне часто снились сны о Ловце Детей из того старого мюзикла, где был летающий автомобиль, а главную роль играл Дик Ван Дайк, с трудом пробиравшийся сквозь

сложности английского произношения. Ловец Детей шнырял возле моего дома в предрассветных сумерках, и у него были черные лоснящиеся, точно смазанные жиром, волосы и нос, как у Пиноккио. И он терпеливо выжидал.

С виду этот Ловец Детей был вовсе не такой уж страшный; его повозка так и звенела от множества колокольчиков и сияла огнями; и он был даже симпатичным, когда танцевал в своем киношном балахоне цветов «техникolor» или обещал детям всякие замечательные вещи и сладости. В конце концов, какой ребенок будет шарахаться от колокольчиков, пестрых цветов и сладостей? И если ты оказывался там впервые, то не знал, конечно, что повозка Ловца Детей — это на самом деле тюремная камера с железными решетками, а сам он подо всеми своими цветными одежками с головы до ног облачен в черное и потом непременно утащит свою жертву в темную пещеру.

Но я-то, посмотрев это кино дважды, все уже знала. И когда в третий раз смотрела, тоже знала. И в четвертый, и во все последующие разы...

Я совершенно точно знала, чего он ждет.

Да, и в свои сорок с лишним я по-прежнему знала: Ловец Детей существует на самом деле.

Правда, он уже старый, седой, его волосы сквозь ветровое стекло автобуса кажутся неясным белым пятном; а на бортах у этого автобуса черной краской написано: государственные школы. Вместо прежних разноцветных балахонов Ловец Детей носит простую серую форму с вышитым на плечах логотипом Министерства образования — трехцветным, серебристо-зелено-желтым символом мира, вокруг которого расположены слова *Intelligentia*, *Perfectum*, *Sapientiae*. Интеллект, Совершенствование, Мудрость. Я бы поняла значение двух из трех, даже если б совсем не знала латыни. Желтая краска автобуса — «хром», как это называлось, когда в краске еще содержался свинец, но теперь она посветлела и стала глянцевой, — уже довольно давно стала ассоциироваться с автобусами государственных школ. Краска на нем отчасти облупилась, а вокруг фар, передней решетки и по периметру двери-гармошки и вовсе слезала хлопьями. Но,

по-моему, никому и дела не было, как эти проклятые желтые автобусы выглядят. Куда важнее было то, куда они направляются и кого везут.

А вот зеленые и серебристые автобусы всегда выглядели хорошо — отполированы до блеска, ни единой выбоинки или царапинки, двери открываются, легко и бесшумно скользя в разные стороны, в отличие от скрипучих «гармошек» того желтого автобуса, который с грохотом прокатился сегодня утром по нашей улице. Водители зеленых и серебристых автобусов всегда улыбались детям, когда те садились в салон, одетые, даже пятилетки, в алую форму Гарварда или синюю Йеля.

Была у желтых автобусов и еще одна особенность. Их едва ли можно было увидеть каждый день; да и «груз» свой они собирали в самые ранние утренние часы, когда еще не рассеялся туман, а высаживали детей в то время, когда другие школьники давно уже вернулись домой и либо пьют чай, либо обедают, либо отдыхают — во всяком случае, больше же не находятся под государственной опекой.

Обычно желтые автобусы появлялись только раз в месяц и всегда по понедельникам, после очередного Дня испытаний. То есть после сдачи тестов. И в дневное время никогда обратно не возвращались.

Они, собственно, ни в какое время обратно не возвращались. Во всяком случае — с пассажирами. И никогда раньше не заезжали в такие кварталы, как наш.

Если бы я сохранила заголовки газет за последние десять лет, они рассказали бы эту историю куда лучше меня.

Уровень иммиграции растет — ужасающий прогноз на 2050 год

Школы переполнены, всюду нехватка учителей: законодатели в тупике и не в силах найти решение

Институт геники совместно с Министерством образования предлагает расширенную компьютерную программу по определению IQ